

Н.А. Неклюдов

Философские этюды

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.А. Неклюдов**
Философские этюды / Н.А. Неклюдов – М.: Книга по Требованию, 2021. –
166 с.

ISBN 978-5-517-82920-7

ISBN 978-5-517-82920-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Человѣческая мысль всегда стремилась провести точную границу между природой, какъ царствомъ необходимости, и исторіей, какъ царствомъ свободы.

И въ природѣ и въ исторіи намъ представляется преемственный рядъ смѣняющихся событій.

Но природа обыкновенно считается только собраніемъ событій, которыя, не будучи соединены планомъ поступательнаго развитія, представляютъ собой примѣры извѣстныхъ всеобщихъ законовъ. Напротивъ, ряду событій, образующихъ жизнь человѣчества, мы считаемъ необходимымъ придать смыслъ исторіи, которой конецъ цѣннѣе начала, и цѣлость утрачиваетъ всю свою цѣну, если въ ней видѣть несвободное повтореніе того, что уже вполне существовало еще до своего появленія въ формахъ времени. Мы не можемъ счесть напрасной всю страстную трату тоски и раскаянія, любви и ненависти, наполняющую исторію; а эта трата была бы напрасна, если бы тече-

ніе історіі нисколько не измѣнялось отъ ея вліянія, а было безразличнымъ развитіемъ однажды положенныхъ началъ.

Правда, жизнь человѣка, по свидѣтельству опыта, входя въ отношеніе съ внѣшнимъ порядкомъ природы, вездѣ вполне подчиняется его законамъ. Человѣческія породы происходятъ и погибаютъ по тѣмъ же законамъ и въ тѣхъ же формахъ, какъ и породы животныхъ; внѣшнія силы природы щадятъ разумный духъ не болѣе, чѣмъ неразумное твореніе; ихъ разрушительныя дѣйствія падаютъ на существованіе, имѣющее историческое значеніе, съ такимъ же безразличіемъ, съ какимъ разрушаютъ безжизненные соединенія веществъ; наконецъ природа никогда не оставляетъ путей своей постоянной дѣятельности въ угоду духа, никогда не радуется насъ чудесами золотого вѣка, въ которомъ случилось все, что было намъ нужно, а не одно то, что составляетъ неминуемое слѣдствіе своихъ предшествовавшихъ причинъ; всякая перемѣна во внѣшнемъ мірѣ совершается согласно съ нашими желаніями только въ той мѣрѣ, въ какой мы производимъ ее нашей собственной дѣятельностью, пользуясь естественными средствами, и приспособляясь къ законамъ природы. Наше бытіе, страданіе, дѣйствованіе стоятъ въ полной зависимости отъ естественной необходимости.

Но наша духовная жизнь, хотя получаетъ свои

возбужденія отъ природы, и въ своихъ воздѣйствіяхъ зависить отъ ея вспомогательныхъ средствъ, сама непосредственно не есть составная часть естественнаго порядка. Между возбужденіями и воздѣйствіями на нихъ лежитъ область особеннаго рода, область внутренней переработки пріобрѣтенныхъ впечатленій. Здѣсь могутъ происходить безчисленныя явленія, въ которыхъ уже нельзя видѣть простаго продолженія дѣйствій, начатыхъ въ насъ внѣшнимъ міромъ; здѣсь полученныя отъ внѣ возбужденія могутъ входить въ безчисленныя соединенія сообразно съ точками зрѣнія лежащими выше всей природы; эти точки могутъ возбуждать насъ къ такому воздѣйствію на внѣшній міръ, которое далеко превышаетъ силы и законы одной природы. Такимъ образомъ въ области природы и ея непрерывной связи оказывается возможной и исторія.

Уже въ древнія времена много разъ пытались объяснить происхожденіе этой исторіи, и крайнія мнѣнія, господствующія теперь, появлялись и тогда. На первый взглядъ цѣлость человѣческаго образованія представлялась такъ чудесной, что его происхожденіе казалось непонятнымъ безъ особеннаго божественнаго содѣйствія. Въ раннее время благочестивыя саги искали въ благодѣяніяхъ боговъ объясненія на происхожденіе благъ человѣческой жизни. Общественныя неурядица съ своей стороны содѣйствовали

укрѣпленію печальнаго представленія о золотомъ прошедшемъ вѣкѣ, въ которомъ спокойное, простодушное человѣчество жило въ мирѣ съ самимъ собой и природой до тѣхъ поръ, пока, вмѣстѣ съ развитіемъ разума, не явились вражда и страсть, или, быть можетъ, эти послѣднія не пробудили дремлющихъ способностей познанія. Этому образу прекраснаго начала и несчастнаго продолженія рано была противопоставлена другая картина первоначальной животной грубости, изъ которой человѣчество, внимательно пользуясь уроками опыта и страданія, постепенно выходило, и пріобрѣтало богатство своего образованія, исполненнаго противорѣчій, вмѣстѣ и удивительнаго и несчастнаго. Тотъ и другой взглядъ съ безчисленными отбѣнками повторялись въ послѣдующія времена, рѣдко безъ особенной склонности къ предположеніямъ, вредившимъ безпристрастному изслѣдованію дѣла.

Уже древній взглядъ, противопоставившій божественному происхожденію историческаго образованія земное развитіе, происходилъ изъ ясной враждебности ко всякому религіозному міросозерцанію; раціоналистическое просвѣщеніе; долго господствовавшее надъ мнѣніями въ новѣйшее время, точно также было несвободно отъ умышеннаго пренебреженія ко всему тому, что въ тѣмныхъ началахъ исторіи указывало на факторы, отличные отъ счастливыхъ слу-

чаевъ и изобрѣтательности умныхъ людей. Раціоналисты объясняли государство договоромъ, заключеннымъ честными людьми прежняго времени, языкъ—соглашеніемъ пользоваться извѣстными звуками, какъ сообразными съ цѣлью средствами сообщенія, правила нравственности—частью всеобщимъ признаніемъ того, что случайно было найдено полезнымъ, частью предписаніями дальновидныхъ воспитателей, наконецъ происхожденіе религіи—естественнымъ влеченіемъ къ суевѣрію, и коварной эксплуатаціей этого влеченія со стороны жрецовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ раціоналисты ставили первой причиной образованія расчетъ, который на самомъ дѣлѣ можно встрѣтить только уже при достаточномъ развитіи образованія, и потому они не разрѣшили своей задачи. Раціоналисты безспорно правильно понимали потребности историческаго объясненія, хотя слабо удовлетворяли имъ. Если ихъ взглядъ на исторію далеко не пользуется благосклонностью настоящаго времени, то въ этомъ виновата не судьба, отъ которой, быть можетъ, не уйдетъ никакой другой взглядъ, а его очевидное стремленіе — считать совершенно произвольнымъ дѣломъ человѣческихъ рукъ все, что должно совершаться, конечно, посредствомъ людей.

Тотъ вполне превратный взглядъ, что исторической жизни первоначально предшествовало состояніе нравственной святости и глубокомысленнѣйшей мудрости,

и что все послѣдующее время состоитъ только въ отпаденіи отъ этого состоянія, и въ борьбѣ съ отпаденіемъ, едва ли въ настоящее время имѣеть послѣдователей. Если бы онѣ имѣль ихъ, то они едва ли бы испугались того возраженія, что только развитіе несовершеннаго къ совершенному, а не въ противоположномъ направленіи, имѣеть за себя всѣ аналогіи природы. Кто однажды рѣшился видѣть въ исторіи болѣе, чѣмъ естественный процессъ, и считать ее частью въ великомъ божественномъ планѣ міра, тотъ будетъ и увѣренъ, что ея теченіе можетъ быть гораздо глубокомысленнѣе простой формулы прямолинейнаго движенія. Быть можетъ его многіе извороты непонятны только для насъ, но, будучи однажды поняты, откроютъ живой смыслъ безконечно высшей цѣны, чѣмъ тощая композиція постояннаго развитія безъ катастрофъ. Не напрасно различныя времена и народы съ благоговѣніемъ выработывали представленія объ отпаденіи отъ лучшаго бытія, покаянномъ значеніи исторической жизни и о примирительномъ возвращеніи къ утраченному блаженству въ концѣ вещей; этимъ они засвидѣтельствовали, что духъ, когда не забываетъ собственнаго бытія и существа изъ—за аналогій недуховаго существованія, вѣритъ въ нѣчто, совершенно отличное отъ прогресса, который не можетъ жаловаться ни на какія утраты, а только занять собственноручнымъ производствомъ всѣхъ благъ (вре-

менныхъ, житейскихъ). Но какъ далеко ни проникало историческое изслѣдованіе, оно ни на шагъ не приблизилось къ земному существованію первоначальнаго идеальнаго состоянія; послѣ этого едва ли можно считать спорнымъ то мнѣніе, что наше образованіе выросло изъ простыхъ естественныхъ началъ путемъ постепеннаго, многократно прерывавшагося развитія.

Впрочемъ эта уступка не исключаетъ сверхъестественнаго начала нашего образованія; влѣдствіе нея должно только на мѣсто первоначальнаго человѣчества поставить мысль о божественномъ воспитаніи, руководившемъ естественныя способности нашего рода дотолѣ, пока онъ получилъ возможность самъ продолжать свое образованіе. Ясная или умолчанная прибавка о прекращеніи руководства съ той поры показываетъ намъ, что на первое время ему приписываются особенныя и болѣе ясныя формы, нежели въ продолженіи исторіи. Чтобы обсудить это мнѣніе, мы рассмотримъ болѣе опредѣленные способы его выраженія:

Никто нынѣ не начнетъ воспитанія человѣчества обращеніемъ съ богами, ходившими по землѣ въ видимомъ образѣ. Мы находимъ въ первоначальномъ времени *) не непогрѣшимую мудрость, превышающую человѣческія силы, а свидѣтельства то объ удачныхъ,

---

*) Само собою понятно, что здѣсь разумѣется время послѣ утраты первоначальными состояніями невинности. *Пр. Дух. Ценз.*

то объ ошибочныхъ стремленіяхъ къ знанію,—не совершенное разчлененіе общества, которое можно приписать только божественному учрежденію, а простѣйшія формы жизни, легко объяснимыя изъ естественныхъ отношеній и естественной уступчивости, и болѣе сложныя, очень по-человѣчески смѣщанныя изъ гордости и страха, хитрости и насилія, — не вѣру, истина которой, будучи недостижима для насъ на иныхъ путяхъ, требуетъ откровенія, а религіи, въ которыхъ развиваются представленія очень различнаго достоинства,—не первоначальный языкъ божественнаго построенія, а множество различныхъ выраженій общей способности къ слову. Совершенство, свободное отъ недостатковъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, можетъ быть объяснено только продолжительнымъ обращеніемъ съ высшими существами; то, что мы находимъ дѣйствительно,—способность и стремленіе къ изобрѣтенію, плодоносная сила творчества, не исключаящая заблужденія, не требуетъ такихъ предположеній.

Но, быть можетъ, болѣе скрытое, хотя столь же непосредственное дѣйствіе божества на духъ человѣчества, въ состояніи замѣнить это неприложимое къ дѣлу представленіе. Настоящій процессъ человѣческой душевной жизни, кажется, не обладаетъ средствами, необходимыми для перваго обоснованія образованія; другое общее состояніе всѣхъ духовныхъ

способностей должно лежать въ основаніи этого начала, и, быть можетъ, оно само превратилось въ настоящее состояніе душевной жизни подъ естественными вліяніями прогресса. Это мнѣніе допускаетъ два различныя, болѣе опредѣленныя выраженія, и оба они мало вѣроятны. Догадка, — будто всеобщіе законы, по которымъ въ первоначальное время соединялись внутреннія событія въ душевной жизни людей и животныхъ, отличались отъ законовъ, дѣйствующихъ теперь, — для насъ невѣроятна, для другихъ бесплодна. Иные законы теченія представленій, не основывающіеся и на иныхъ источникахъ познаваемого содержанія, или на необыкновенной духовной возбужденности, привели бы не къ новымъ развитіямъ, а только къ страннымъ, несоотвѣтствующимъ своей цѣли, но отнюдь не къ тѣмъ, изъ которыхъ безъ существенныхъ перерывовъ выросло наше историческое образованіе. Тоже должно возразить и противъ того объясненія, по которому въ первоначальное время имѣли иную природу и соединялись между собой иначе, чѣмъ теперь, не всеобщіе законы душевной жизни, а подчиняющіяся имъ настроенія, наклонности, воспріемлемость и стремленія души. Конечно глубокосодержательная природа души, обнаруженія которой формально опредѣляются и развиваются въ свои слѣдствія по всеобщимъ законамъ, но не производятся ими, въ различныхъ душахъ мо-

жетъ быть очень различна. Но кто доводитъ своеобразность первоначальнаго духовнаго состоянія до сродства съ животнымъ инстинктомъ, до бѣснованія, до ясновидящаго лунатизма, тотъ забываетъ, что мы желаемъ вывести изъ первоначальнаго состоянія не дикія и странныя явленія, а начала нашего хорошо извѣстнаго развитія. Мы не отвергаемъ, что внутренній міръ первоначальнаго времени былъ очень своеобразенъ. и намъ невозможно вполне перенестись въ него: но мы находимъ, что это предположеніе, если держать его въ умѣренныхъ границахъ, не представляетъ значительныхъ преимуществъ, а безъ такихъ границъ оно негодно для объясненія того, что мы желаемъ объяснить.

Такое же сомнѣніе возбуждаетъ въ насъ и тотъ взглядъ, который ищетъ средоточіе первоначальнаго душевнаго состоянія въ религіозной жизни. Конечно единство въ религіозныхъ вѣрованіяхъ есть одна изъ самыхъ существенныхъ связей, обосновывающихъ союзъ народа...

Но единствомъ вѣры ни сколько не объясняется ни происхожденіе, ни строеніе языка, который былъ общимъ у всего первоначальнаго человѣства; точно также остается темнымъ, какъ расколъ въ вѣрѣ, происшедшій изъ не извѣстныхъ основаній, могъ привести къ смѣшенію языковъ, отъ котораго всѣ предметы обьк-